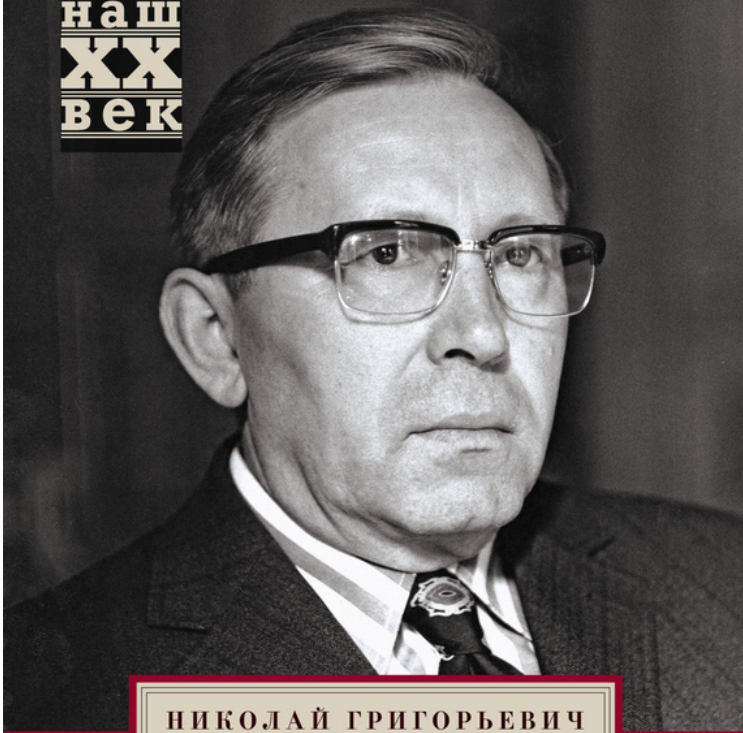

наш
XX
век

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

ЕГОРЬЧЕВ

СОЛДАТ, ПОЛИТИК, ДИПЛОМАТ

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ ОЧЕНЬ РАЗНОМ

Николай Григорьевич Егорычев
Солдат. Политик. Дипломат.
Воспоминания об очень разном
Серия «Наш XX век»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22631113

Солдат. Политик. Дипломат. Воспоминания об очень разном:

Центрполиграф; Москва; 2017

ISBN 978-5-227-06613-8

Аннотация

Н. Г. Егорычев в 1962–1967 гг. – первый секретарь Московского горкома КПСС, член президиума Верховного совета СССР, член ЦК КПСС, посол в Дании и Афганистане. Автор вспоминает о тяжелых годах детства без отца в дружной и большой семье, об огромной любви матери, о юности, комсомольских и студенческих годах, о периоде зрелости и государственной службы, о сложных отношениях с Н. С. Хрущевым и Л. И. Брежневым. С высоты прожитых лет он осмысливает свою жизнь и приоткрывает завесу над эпохальными событиями в жизни страны, свидетелем и активным участником которых он был. Книга позволяет увидеть палитру многогранной жизни политика и дипломата, а также по-новому оценить известные факты из истории нашего государства.

Содержание

Глава 1. Строгино	5
Мои корни	5
Доколхозная деревня	9
Как мы выживали	15
Мое детство	21
Дачники	24
Каляевская улица	26
Советская власть и религия	28
Коллективизация	36
Школьные годы	43
Вступление в комсомол	48
Авиационные праздники в Тушине	52
Мой выбор	56
Глава 2. Студент МВТУ им. Н. Э. Баумана	58
Я Бауманец!	58
Студенческий быт	61
Наша группа	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Николай Егорычев
Солдат. Политик.
Дипломат. Воспоминания
об очень разном

© Егорычев Н. Г., наследники, текст, 2017

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

Глава 1. Строгино

Мои корни

Моя малая родина – подмосковная деревня Строгино, что напротив впадения реки Сходни в Москву-реку. Здесь я родился и прожил почти четверть века.

Строгино – одно из самых чистых мест города. Здесь свой микроклимат – мягкий, добрый, много воды. Москва-река окружает Строгинский район со всех сторон. Здесь легко дышится.

Название деревни известно с XVII века. Когда-то это было владение бояр Романовых, а затем – Нарышкиных.

Выписки из архивов свидетельствуют, что мои предки жили на подмосковных землях издавна: по линии отца – в Строгине, по линии матери – в Митине.

В Строгине народ жил побогаче, чем в Митине: совсем другая земля, да и к Москве поближе, связи с городом теснее. Возили в Москву на продажу молоко, картофель, мясо. Кое-кто даже ездил работать в город.

У моего строгинского деда Сергея Федоровича Егорычева и его жены Татьяны Арсентьевны была большая семья: четверо сыновей и две дочери.

Дед был достаточно состоятельным мастеровым челове-

ком. Он сколотил в качестве подрядчика бригаду строителей и подался всей семьей на Украину, да там и осел с двумя сыновьями и обеими дочерями. Два других сына Сергея Федоровича – Григорий (мой будущий отец) и Василий – вернулись в Строгино, к своей родне. Отцу на тот момент было пятнадцать лет. Со временем они построили общий дом, разделенный тонкой перегородкой, и стали жить рядом.

Семен Тарасович Тарасов – мой митинский дед – имел семерых детей: четырех сыновей и трех дочерей. Любимица младшенькая, Анна, стала потом моей матерью.

Дед владел лесным участком в Московской губернии и вместе со своими сыновьями поставлял дрова в Москву. Тогда Москва топилась дровами, и у него было одиннадцать постоянных покупателей. Все люди солидные. Дровами деда топили печи в Кремле и во дворце княгини Разумовской. Деньги за дрова он получал один раз в год с каждого клиента. Такой порядок требовал от деда ответственности за поставки и правильного распределения расходов в течение года на всю свою большую семью.

Дед поставлял лес и для строительства храма Христа Спасителя, за что был награжден Большой медалью. Я ее хорошо помню, потому что не раз держал в руках. Она была персональная, с фамилией деда. Во время войны моя сестра эвакуировалась в Новосибирск. Дом был брошен. Медаль, к сожалению, пропала. Пропал и старый Псалтырь в сафьяновом переплете, в котором много текстов было написано от руки.

Жена моего брата рассказывала, что было очень холодно, топить было нечем, и тогда в ход пошли стулья и книги. Тогда же вместе с Псалтырем пропала и моя первая, хоть и небольшая, но дорогая мне библиотека.

Семен Тарасович был церковным старостой в Христорождественской церкви в соседней деревне Рождествено, которая числилась приходской церковью деревни Митино. Эту церковь он построил вместе с сыновьями. Строительство ее тоже связано с еще одной семейной легендой, которая имеет несколько вариантов. Я ее знаю в такой версии.

В сорок шесть лет Семен Тарасович сильно занемог. Когда почувствовал себя совсем плохо, попросил жену пойти к святому источнику в Рождествено: «Принеси святой воды и окати меня этой водой. Если выздоровлю, построю на этом месте церковь». Она принесла воды, он разделся, и она окатила его этой ледяной водой. После этого дед спал трое суток. Проснулся здоровым.

Свой обет дед выполнил. Сейчас в Рождествене стоит эта церковь. Первоначально она была, конечно, намного скромнее. Но стоит церковь крепко. Сама церковь – из красного кирпича. А все убранство церкви за свой счет организовал хозяин текстильной фабрики, что была около села Путилково.

Когда в 1930 году церкви стали закрывать, пришла очередь и Христорождественской церкви. Случилось так, что из-за нее погиб один из сыновей деда – мой дядя Васи-

лий Семенович Тарасов. На собрании прихожан по поводу закрытия церкви он сказал: «Граждане, может, нам церковь-то не сносить? Ведь около церкви – кладбище. Здесь наши предки похоронены. Кто будет за кладбищем смотреть?»

Эти его слова сочли контрреволюционной агитацией – дали ему 58-ю статью. Осудили на пять лет и выслали в Архангельскую область.

В то время все было не так еще безнадежно. У дяди был зять с юридическим образованием. Через четыре года зять добился отмены приговора. Дочь поехала в Архангельскую область выручать отца. Она нашла его в глухом лесу, где он гнал древесный уголь. Там он и умер у нее на руках от истощения. Церковь, однако, тогда не тронули, и какое-то время она действовала. Но потом ее все же закрыли, и в ней разместились артель. Артельщики хотели что-то перестроить в обширных церковных подвалах. Уж чем только ни долбили они фундамент, но он не поддавался: песчаник чем дольше стоит, тем прочнее становится.

Открыли ее после войны, и действует эта приходская церковь по сей день. Там крестили моего внука и двух правнуков.

Доколхозная деревня

В 1919 году моего митинского деда пытались арестовать, поскольку мужик он был зажиточный. Но местные жители встали на его защиту: «Не дадим его. Это наш мужик. Если у кого что случилось – пожар али лошадь пала, он всегда нам помогал, а брали в долг – прощал. Всегда всем помогал». И отстояли.

Помогло избежать ареста также и то обстоятельство, что дед перед этим сдал все «излишки» – лошадей, коров и прочее. Учили, наверное, и то, что его младший сын сражался в то время на фронтах Гражданской войны в коннице Буденного. Там же, при дяде, служил и племянник – внук деда от старшего сына.

Я родился в трудном для страны 1920 году. В этом году закончилась Гражданская война, хотя очаги ее тлели до 1922 года. Возвратившиеся с войны сотни тысяч крестьян и рабочих оказались без занятий и средств к существованию. Гражданская война и интервенция привели к полному разрушению хозяйства страны. От голода, болезней, террора и в боях погибло восемь миллионов человек. Положение усугублялось частыми неурожаями.

Весной 1918 года разразился голод в Центральной России. Летом 1921 года голодом были охвачены 34 губернии. Голодали миллионы людей. Для помощи голодающим было про-

изведено изъятие церковных ценностей. На это золото покупали продовольствие за границей.

Для того чтобы выжить, страна вынуждена была перейти к политике «военного коммунизма». Была национализирована не только крупная и средняя промышленность, но и значительная часть мелкой промышленности. Введена хлебная монополия и продразверстка, которая означала изъятие всех хлебных излишков у крестьян сверх минимума, необходимого для личного выживания, корма скота и посевов. Крестьяне были недовольны продразверсткой. В ряде губерний вспыхнули восстания.

Революция переживала критическое время. «Народ переустал», – говорил Ленин. В марте 1921 года на X съезде партии было принято решение отказаться от политики «военного коммунизма» и перейти к новой экономической политике – НЭПу. Продразверстку заменили продналогом. Натуральный продовольственный налог был меньше продразверстки. А главное, все, что оставалось сверх налога, поступало в полное распоряжение крестьянина. Все эти события не могли пройти мимо Строгина. С первых же дней революции жителям этой и соседних деревень пришлось распрощаться со своим патриархальным укладом жизни. Церковь была отделена от государства, школа от церкви. В деревне установилась советская власть. По-новому распоряжались теперь землей. До революции только лица мужского пола имели право на земельный пай. У моего отца, например,

до революции семья состояла из семи человек, а земли он имел всего два пая – на себя и на сына. Каждые четыре-пять лет землю делили заново, с учетом изменений в семье. После революции землю стали давать по едокам, то есть свой пай получал каждый член семьи.

Все крестьянские дела обсуждались на общем собрании жителей деревни. Без общины не решался ни один вопрос. Если кто-либо хотел построить новый дом для подросших детей, то только община могла выделить место для строительства и землю под него. «Чужому» человеку такое разрешение не давали никогда.

Никакая «вышестоящая организация» не могла решать за общину вопросы, связанные с проведением работ на общинных землях.

Так, например, в конце 1920-х годов Рублевская насосная станция, которая была основным источником водоснабжения Москвы, предприняла строительство двух водопроводов, которые должны были пройти по полям строгинской общины. Община потребовала, чтобы трубы проложили вдоль существующих дорог, по бедным почвам. «У нас и так мало земли, а вы еще отрежете», – говорили крестьяне. Сошлись на том, что насосная станция обязалась провести в Строгине водопровод вдоль улицы с пятью водоразборными колонками. Потом крестьяне придирчиво смотрели, сколько земли отрезают, контролировали до сантиметра. Так Строгино стало первой подмосковной деревней с водопроводом.

На общем собрании рассматривались такие вопросы, как починка мостика, размер налога «самообложения», кого нанять в пастухи и даже с какого дня разрешить рвать орехи в лесу. Что касается центральных властей, то за ними оставались вопросы соблюдения законов, налогообложения, содержания школы.

Мог ли кто-либо разбогатеть в этих условиях? Конечно нет! Но тот, кто трудился на земле старательно и вел хозяйство по-умному, жил неплохо, а иногда и зажиточно, особенно если кроме работы в поле умел делать еще что-то: сапожничать, плотничать, портняжничать, торговать в лавчонке. Уклад этот формировался веками. Землю любили и очень высоко ценили. А уж о домашних животных и говорить нечего: они были почти членами семьи.

В доколхозном Строгине радио в деревне не было, газет никто не выписывал и не читал. Но с самого первого дня советская власть заботилась о всеобщей грамотности. В каждой глухой деревне открывалась изба-читальня. В строгинской избе-читальне была библиотека. Туда приезжали лекторы, агитаторы, там устраивались концерты приезжих артистов и выступления самодеятельных коллективов. В нашей деревне действовала школа-четырёхлетка для детей 8—11 лет. В ней работали учителя, оставшиеся от старого режима.

Отношения тогда между жителями были спокойные, добрые. Люди вели себя степенно, помогали друг другу. Днём двери домов никто не запирали. Да и брать-то было нечего.

Самое большое богатство – это самовар, часы да иконы.

Питались просто, без разносолов, по пословице «Щи да каша – пища наша». Что производили, то и ели: молоко от коровы-кормилицы, картошку да хлеб, который пекли сами из своей муки. Чудесный душистый ржаной хлеб! В деревне были две уютные чайные, где взрослые мужчины могли в свободное время посидеть, чинно побеседовать, иногда немного выпить. Тогда не пили так много, как сейчас. И дорого это было. Да и работали на земле с самого раннего утра до позднего вечера.

Было несколько частных лавочек, в которых можно было купить все необходимое для сельской жизни. Из других заметных строений запомнилась часовня Св. Александра Невского, пожарный сарай и две кузницы.

Роды на дому принимали бабы-повитухи. В чести были костоправы. В Троице-Лыкове жил мужик, который славился на всю округу тем, что хорошо зубы заговаривал. Мать рассказывала, как однажды, когда ей было совсем не вмоготу от зубной боли, она решила пойти к нему, хотя и не верила ни в какие заговоры. «Пришла, – говорит, – а вся семья сидит обедает. Меня тоже пригласили. Но какой уж тут обед, когда и рот-то открыть от боли невозможно! Отказалась. Сижую жду. И вдруг начинаю чувствовать, что боль потихоньку утихает. А вскоре и совсем прошла. Даже и не верится! Ну а хозяин закончил обедать и говорит:

– Что, Анна Семеновна, получше стало? Вот и хорошо.

Иди домой и не беспокойся. Все у тебя пройдет. – И от денег отказался».

Если случалось что-то серьезное, везли в больницу – на Сетунь (это в Кунцево), в Рублево или в Боткинскую больницу.

Самое яркое воспоминание относится к зиме 1924 года. Дом в Строгине, вся семья в сборе. Сидим за столом. Стол обычный, крестьянский. Какой-то столяр-плотник из местных сделал. На столе керосиновая лампа. Ужинаем.

Вдруг гудки. Все затихли. И в этой абсолютной тишине мать говорит: «Ленина хоронят. Ленина хоронят». Несколько раз она так сказала. Как сейчас помню, все встали из-за стола. А что такое в крестьянской семье встать из-за стола, когда пища еще не доедена? Вышли на холодное крыльцо. Я хорошо помню, что на мне были короткие штаны и коротенькие валенки. Фактически раздетый. Стою – холодно! А гудки все гудят... гудят... И все – в полной тишине...

Поразительно, я пронес это воспоминание через всю жизнь.

Как мы выживали

Мой отец был грамотный и очень уважаемый человек в деревне. В феврале 1921 года крестьяне поручили ему поехать в Кунцево, чтобы отстаивать на очередном собрании какие-то общие строгинские интересы. Тогда после революции много собраний было.

На обратном пути отец, крепкий, здоровый мужик, заехал в Крылатское к двоюродному брату. Вместе посидели немного в трактире, и ему стало жарко. Он распахнулся – а погода в феврале была ветреная, – простудился и на девятый день умер от крупозного, как тогда говорили, воспаления легких. Умер молодым – ему не было и сорока.

Отец был заботливым семьянином и мечтал построить отдельный дом. Мой митинский дед не раз предлагал ему:

– Григорий Сергеевич, ну давайте я вам дом построю. У меня свой лес есть, а потом вы мне заплатите.

– Нет, – упрямо отклонял отец предложение тестя, – я построю сам.

И действительно, он загодя уже привез на двор строительный лес, но неожиданно умер. Лес так и остался лежать и гнить под открытым небом.

Матери не до лесу было. У нее на руках осталось шестеро детей: двое сыновей и четыре дочери – мал мала меньше. Самой старшей, Клавдии, – двенадцать лет, мне – неполных

десять месяцев.

У матери – порок сердца, она не работник. Да все это случилось, когда страна переживала период разрухи. Впереди нас ожидало голодное лето 1921 года. Наша семья должна была просто выжить. Старшая сестра мне позже рассказывала: «Мать плачет: как же мы жить-то будем? Картошки ничего не осталось. Даже до новой дожить не сможем!» И как все радовались, когда случайно обнаружили в подвале в яме несколько мешков картошки – семенной и про запас! Это отец засыпал ее туда осенью – позаботился!

Как же мы выжили? После смерти отца остались земля, лошадь, корова, птица, семена, отцовские связи в Москве – наши клиенты, покупавшие у нас молоко и овощи. Но главное – дружная семья и родня, поспешившая на помощь.

Вскоре к нам переехала мамина сестра, тетка Анисья. Она была года на четыре-пять старше моей матери. У нее тоже умер муж, и мы объединились в одну семью. И хотя она, как и мать, не могла пахать, но очень помогала. Например, кормила и доила корову, а это не менее важная работа.

Каждый в меру своих сил трудился. Моя старшая сестра Клавдия в свои неполные тринадцать лет начала пахать землю. Эта главная тяжелая работа легла на ее плечи, потому что нанять работника мать не могла. Очень ее мать жалела! А потом и старший брат впрягся в обработку поля, водил в ночное лошадь, ухаживал за скотом. Кто-то мыл полы, кто-то что-то ремонтировал.

Вторая моя сестра, Мария, всех нас обшивала. Купить одежду тогда было невозможно, да и не на что. Мать доставала где-то недорогую ткань, и Мария шила на нас.

Сестра Татьяна возилась со мной. Ее задача была – не отпустить меня ни на шаг. Я так привык к ней, что мне было уже четыре-пять лет, а я все за ней хвостиком бегал. Бывало, она даже сердилась:

– Ну что ты никак от меня не отстанешь?

– А тебе ведь сказали, что за меня отвечаешь, вот я за тобой и бегаю, чтобы тебя не ругали.

Я ее очень любил: ласковая была она ко мне.

Однажды я решил, что мне тоже надо как-то помогать старшим. Я говорю сестре: «Клавдия, ты бы мне хоть какую метелку сделала. Я буду чистить двор, сад».

Она мне сделала метелочку, легонькую, красивую. Пошили мне фартучек. Я выходил во двор и, преисполненный важности поручения, наводил порядок. Прохожие соседи похваливали меня: «Какой работающий!» А я стараюсь...

Стал постарше – семь-восемь лет от силы, – мать ко мне:

– Сынок, вот загородочка у нас кое-где сломалась. Починил бы.

А ведь ни досок, ни гвоздей нет. Где-то я вырвал ржавых гвоздей, молоточком все их выправил, потом дощечки нашел, склотил их вместе, а сам присматриваюсь, как старшие делают. По их примеру натянул шнурок, чтобы ровно было, и все сделал. Мать выходит: «Какой ты, Коля, молодец, сде-

лал даже лучше, чем я думала!»

Все мое воспитание, сколько я себя помню, было построено на доброжелательности. Мать ни разу меня не шлепнула. Мы видели, как ей тяжело, и очень ее жалели. Ей достаточно было слово сказать, и мы были рады что-то для нее сделать. Утром я просыпаюсь – слышу, пахнет чем-то вкусным. Мать то ли хлеб печет, то ли что-то к завтраку готовит. Видит, что я проснулся, – несет мне горячую лепешечку. И так радостно принимать ее из ласковых рук матери! Вот такая была любовь.

В общем, выживали, не голодали, как-то приспособливались. Очень ухаживали за своим участком земли. Хорошо росла картошка. Строгинская картошка славилась на всю Москву. Чистая, ни одного пятнышка! Легкие почвы, добросовестная, тщательная обработка земли, забота о семенном фонде и, конечно, никакой химии в то время – вот и все секреты этого качества. Причем мать сажала скороспелую картошку. Она была дорогая – первая, и мы ее продавали. Эти первые полученные деньги предназначались только для девочек: мать ездила с ними и покупала им то материю какую, то обувь. И никто другой не претендовал на эти первые доходы.

Трудолюбие, дружную работу, взаимную любовь, царившую в нашей семье, даже ставили в пример другим.

Когда я пришел в первый класс, у нас была мудрая учительница – одна из самых известных в Московской губернии

– Вера Васильевна Игнатъева. Ее посылали даже как лучшую учительницу на практику в Швецию. И так получалось, что все дети нашей семьи учились у нее, хотя была и другая учительница. Вера Васильевна была другом нашей семьи. И вот она как-то на уроке нам говорит:

– Все семьи делятся на дружные и недружные. Ну, как вам это показать? Вот Коля Егорычев сидит. Их семья – дружная. У них отец рано умер. Им было очень тяжело, но они выстояли и сейчас живут не хуже других. Почему? Потому что каждый из них что-то полезное делает в семье. Они все трудятся. А вот в некоторых семьях совсем другая обстановка. Там все ходят оборванные, грязные, голодные. Почему? Да потому, что семья недружная, не умеет и не хочет работать.

Так нас воспитывали.

Семью тогда накрыло еще одно горе – с моим братом. Василий рос толковым парнем. Он хорошо учился, был физически прекрасно развит.

Когда-то в Строгине в большом овраге зимой мы очень любили кататься на лыжах, санках и «ледниках» – плетеных корзинах, обмазанных навозом и облитых водой. На морозе эта обмазка застывала, и, когда сядешь в эту корзину, она с такой скоростью летела вниз – дух захватывало. И главное – не опасно: столкнемся, попохочем, дальше поехали. Брат как-то катался, вспотел, напился воды из проруби и заболел – у него начался менингит. Причем в очень острой форме. Это было тяжелым испытанием для матери и всей семьи.

Мать отвезла Василия в Боткинскую больницу. Положили его рядом с пареньком, у которого было подобное же заболевание. Сосед по палате был сыном какого-то нэпмана. Отец приносил ему редкие лекарства, но тот капризничал, не хотел принимать и отдавал их моему брату, который пил их. В результате он поправился, но окончательно так и не выздоровел. Правда, был в неплохом состоянии, даже службу в армии проходил в конном корпусе при Боткинской больнице. Потом работал на кондитерской фабрике «Большевик», стал отменным мастером по выпечке тортов. Перед самой войной женился. Во время Отечественной пропал без вести в первый год войны.

Мое детство

И все же, несмотря на горе и нужду, с которыми мы столкнулись после смерти отца, кажется, никого на свете не было счастливее нас – деревенских детей.

Любимыми играми в детстве были подвижные, живые. На деньги (в расшибалочку) почти не играли. Игр в карты вообще не помню. Играли в городки, гоняли деревянный шар – команда на команду, очень любили плавать. Летом мы все время проводили на реке. Против Строгина был чудесный песчаный пляж...

Одно время, правда, это место приглядели для себя московские нудисты. Однажды молодые девчонки и парни, повязав себя красной лентой с надписью «Долой стыд!», фактически голышом – больше на них ничего не было! – прошеествовали по Москве. Какое-то, к счастью, недолгое время они загорали и купались на нашем пляже на другой стороне реки. Мать очень возмущалась «бесстыдниками»!

Пляж был чистый, промывался весной в половодье. Половину Строгина каждый год заливало. Все это сами знали, следили, готовили лодки, у кого они были. К нам, правда, вода никогда не доходила, а других накрывала. Они переводили заранее скот к соседям, просили поддержать, пока вода не схлынет, приносили зимние вещи. И никто никогда не отказывал.

Я помню ребят из нашего класса, которые жили на краю села. Их дом всегда заливало. И мы на лодке подплывали, чтобы взять их в школу и привезти обратно. Никто никакой трагедии из этого не делал, но все готовились к весеннему паводку. Люди жили в единении с природой и приспособивались к ее циклам.

За лето мы становились черными от загара. Ближе к осени шли в лес по ягоды и грибы, за орехами. Хотя лес принадлежал государству, а не общине, мы берегли его как свой родной.

С весны мы уже питались подножным кормом: какие-то корешки, щавель – в общем, витаминов хватало. И все это не в таблетках, как сейчас, а из самой природы. Потом начинала цвести акация – ее желтые цветочки тоже были очень вкусными. Чуть позднее созревал шиповник. В районе Рублева в сосновом бору было много черники. За одно утро можно было заготовить черники на весь год.

Еще я любил ловить рыбу. Бывало, встану рано и отправляюсь на Москву-реку. Удочка была обычная, из орешника. Глядишь, быстренько наловлю плотвичек. Прихожу довольный, а меня уже наша кошка встречает. Я ей немного мелочи скормлю, а остальное – на суп.

Или так. Едем косить сено на заливной луг в Строгинскую пойму, что между Строгином и Троице-Лыковым. На трех больших буграх по окраине луга росла дикая земляника. До чего же она была вкусной! Полевая, яркая, сладкая! Может

быть, нам тогда так казалось...

В двадцатые годы строгинский луг каждое лето охранялся конными солдатами, и туда никого не пускали, потому что на Ходынке было стрельбище и иногда пули оттуда залетали на этот луг. А трава там была в рост человека.

Когда наступала пора сенокоса, стрельба на какое-то время прекращалась. Давали нам дня четыре, за которые надо было сено скосить, подсушить и увезти. В эти дни все Строгино занималось только заливным лугом. Рано утром мужчины косили, потом днем, часов в двенадцать, каждый ехал на свою делянку, грузил сено и вез его в Строгино.

Сестра Клавдия сажала меня на самый верх большого во-за. Я очень этим гордился. Вдруг на каком-нибудь ухабе я скатывался. Было не больно и весело.

У каждого на усадьбе было место, где сено сушили, и, помню почему-то, лишь только разложишь сено, сядешь обедать – обязательно дождь застучит по крыше. Все бегут во двор сгребать сено в копешки.

Дачники

Строгино в летнее время становилось дачным поселком. Почти во всех домах жили летом горожане. Особенно любили Строгино московские художники, видимо, потому, что уж очень живописна была эта местность.

Дачникам сдавали лучшие комнаты, а уж сами все лето ютились кое-как. Но с их приездом было веселее. Да и доход хоть и небольшой, а для семьи – подспорье.

Когда приезжали дачники, появлялись и мелкие торговцы разными продуктами. Их у нас называли нэпманами. Приезжали нэпманы с большими корзинами, в которых лежали очень вкусные белые булки из Покровского-Стрешнева, пекарни которого славились своим хлебом. Кто-то привозил рыбу, кто-то колбасу...

У нас тоже жили дачники. В течение нескольких лет к нам приезжала одна и та же пара – инженер и его жена. Очень симпатичная семья. Жена инженера частенько заходила к нам в горницу – посидеть, поговорить с мамой.

Один раз за лето наши дачники устраивали пикник. В Строгине было высокое место, где сохранился настоящий девственный лес. В той части леса, что примыкает сейчас к окружной автодороге, водилось много зверья: лисы, куропатки, а зимой мы слышали даже вой волков. Но никто зверей не трогал – не принято было охотиться. В лесу выбиралась

поляна. Мать запрягала лошадь в телегу, на которую дачники с гостями укладывали закуски, скатерти, и все – они и нас брали в полном составе – ехали на пикник. Это было удовольствие – несказанное! Было весело, тепло и уютно. Кому-то из нас давали шоколадку, кому-то что-то другое вкусное, заранее припасенное, то есть мы чувствовали себя там не лишними.

Инженер был обаятельный человек. Отец вырыл перед домом большой погреб, обложил его изнутри кирпичом. В погребе хранилось молоко, которое отец и его брат Василий Сергеевич покупали у местных крестьян и возили в Москву продавать в различные кондитерские лавки в район Каляевской улицы. После смерти отца погреб стал разрушаться. Инженер как-то и говорит:

– Анна Семеновна, давайте я разберу этот кирпич. Что же ему пропадать?

И вот он в охотку разобрал этот погреб, вынес кирпич, и потом мы с братом уложили его у дома. Это же был дорогой по тем временам материал! Вот такие были дачники. Они стали как бы членами нашей семьи.

Каляевская улица

С Каляевской улицей в Москве у меня связаны самые живые воспоминания. В районе этой улицы жили нэпманы и старая московская интеллигенция. Здесь помещались мелкие кондитерские предприятия, которым мы продавали молоко. Наш дед, отец, мать и мы, дети, всячески поддерживали эти дружеские и взаимовыгодные отношения с обитателями Каляевской улицы.

Наша семья поколениями дружила с семьей Уткина, проживавшего в доме № 14. Он был одним из директоров фабрики «Красный Октябрь». Я помню, когда мы выкапывали картофель, вся семья Уткиных – он сам, два сына и две дочери – и еще кто-то из каляевских знакомых приезжали к нам, чтобы помочь с уборкой. Мы умудрялись за один день выкопать весь урожай. Каждая семья собирала тогда десятки мешков картошки.

После дружной работы разжигали костер, пекли картошку, пели песни. Рядом тоже соседи поют. Потом они подходят к нашему костру, мы – к их. Угощаем друг друга печеной картошкой. Никакой водки, никаких ссор и обид. Вот такая была простая и радостная жизнь.

Когда я уходил на фронт, я забежал попрощаться к Уткиным – к маминой подруге Марии Дмитриевне. Услышав новость, она долго причитала и охала, потом принесла икону

и благословила меня.

– Мария Дмитриевна, я же комсомолец! – пытался я ей воспрепятствовать.

– Ничего, Коля, это не помешает, – успокоила она меня.

На Каляевской улице жил профессор Соколов – прекрасный детский доктор, один из самых известных в Москве. Мать с ним всегда советовалась по поводу лечения наших болезней.

Там же проживал человек по фамилии Горький. Он был хиромант. Горький частенько заезжал в нашу деревню. Рассказывают, что, когда отец еще был жив, он гадал ему: «Ну что, Григорий Сергеевич, ты раньше жены умрешь, а у Василия Сергеевича раньше уйдет его жена». Так и случилось. Как-то мать попросила её погадать, и вдруг у него сделалось какое-то растерянное лицо.

– Вы, Анна Семеновна, готовьтесь. У вас на днях будет большая беда. Это не смертельно, все образуется, но беда большая.

На следующий день мальчик-пастушок сообщил матери, что у нас корова пала. Это был страшный удар. Ведь корова была нашей кормилицей. Как без нее? Но как это определил заранее наш хиромант? Мне он тоже погадал, потом что-то нашептал маме, показывая на меня. Став постарше, я спросил мать, что мне нагадал хиромант. Она так и не сказала...

Советская власть и религия

Сейчас много говорят и пишут о религии. При Ленине в далекие двадцатые годы, вплоть до коллективизации, религия, по сути, никак не притеснялась. Ни одна церковь в регионе, да и в Москве не была закрыта.

Антирелигиозная пропаганда, конечно, велась, в частности, в избе-читальне – центре политико-воспитательной работы в деревне. Но там же проводил свои спевки и церковный хор. Регентом его был один из преподавателей Московской консерватории, и хор славился на всю округу.

Ведь я еще помню: все церкви в Москве работали. Ни одной церкви не было закрыто! Закрыли монастыри – это правда. Почему? У монастырей были огромные богатства. И когда Ленин обратился в голодные годы, чтобы монастыри помогли власти справиться с голодом – ведь люди умирали в Поволжье! – они же отказались! Таким образом, они явно пошли против советской власти. И тогда монастыри разогнали. Для революционного времени это было, наверное, логично.

На Каляевской улице была церковь – она и сейчас стоит, еще не восстановленная. Там священник А. И. Введенский выступал с проповедями и проводили открытые дискуссии с А. В. Луначарским – тогда председателем Ученого комитета при ЦИК СССР. Я помню, мы приехали как-то к нашим

знакомым на Каляевскую улицу с братом, и Мария Дмитриевна предлагает:

– Пошли бы вы, ребята, в церковь, послушали. Он так интересно рассказывает.

Мы пошли. Действительно, Введенский проповедником был блестящим.

Церкви закрывали при Сталине. Я считаю, что не надо было этого делать! Религия уже была готова служить советской власти. И во время Отечественной войны священники это показали. Я помню, отец Николай, очень уважаемый человек, ни одного слова не сказал против советской власти. Наоборот, он говорил, что каждая власть от Бога, что эта власть сделала много для людей, и показывал, в каких направлениях. Он проповедовал, что главная задача мирян – работать, трудиться, семью беречь, не пьянствовать.

И конечно, дав сигнал рушить церкви, Сталин сделал большую ошибку. А зачем было разрушать храм Христа Спасителя? Он строился на народные деньги, собранные в связи со столетием победы в Отечественной войне 1812 года.

Повторяю: Ленин закрыл лишь контрреволюционные гнезда – монастыри. Разумеется, то, что было дальше, можно назвать лишь варварством, попыткой нанести смертельный удар по русской культуре и духовности.

Когда в начале тридцатых годов началась кампания по закрытию церквей, наши немногие деревенские комсомольцы призвали сельчан жечь иконы. Может быть, лишь несколько

дворов откликнулись на этот призыв.

В Троице-Лыкове были известны три церкви: зимняя церковь, построенная в конце XIX века, летняя церковь, построенная чуть ли не при Иване Грозном, и деревянная церковь, которую построила мать Петра I на свои деньги из огромных дубовых кряжей.

Когда церкви закрывали, действующей оставили только деревянную церковь. Церковь вскоре сожгли. В ней были дорогие украшения: золотая чаша для причастия и крест, усыпанный драгоценными камнями. Для того чтобы завладеть крестом и чашей, вору и подожгли церковь. Их потом нашли, украденное обнаружили, воров посадили на десять лет, но церковь-то не вернешь!

Я видел в Австрии деревянную церковь. Ее берегут. Но австрийская церковь не такая нарядная, как та, что была в Троице-Лыкове.

А зимняя и летняя церкви оказались бесхозными... Как-то в школьные годы, гуляя, мы подошли к летней церкви. На ней висела охранная доска – чуть ли не из бронзы: «Памятник архитектуры и истории. Охраняется государством...» и так далее. Обошли ее и вдруг видим большой проем в стене, в который можно было даже въехать на автомобиле! И никакой охраны! Зашли мы туда – иконостас был тогда еще цел, иконы на месте. Это же такое богатство!.. В конце концов все разграбили. Все растащили. И там колхоз стал хранить картофель. Сейчас летняя церковь требует реставра-

ции. Удастся ли? Чудесные там были иконостасы.

Колокола зимней церкви славились на всю округу. В праздники и перед вечерней службой начинался перезвон колоколов. Первыми звонили колокола в Троице-Лыкове. Затем вступали колокола в селе Крылатском, потом в селе Спас.

При церкви в Троице-Лыкове было сельское кладбище – тихое, ухоженное и очень скромное. Это место всегда было святым. Ни у кого не поднималась рука надругаться над могилами, унести цветы или пображничать.

В Строгине украшением деревни была часовня. Перед Пасхой здесь святили куличи, а на Пасху от часовни начинался крестный ход. Крестный ход по просьбе прихожан проводили и по случаю засухи, и никто по этому поводу не зубоскалил.

До коллективизации в деревне, насколько я помню, революционные праздники не отмечались широко. В Строгине по-старому отмечали Рождество, Пасху, Ильин день и широко гуляли на Масленицу.

Рождество особенно любили дети, потому что наряжали елку, дарили подарки. Это был чисто семейный праздник. На Масленицу, кроме блинов, устраивали катания на лошадях. Лошадь занимала особое место в крестьянском быту. Хороший хозяин – хорошая лошадь и отличная сбруя. А если семья живет в достатке, то и сани у нее были дорогие. Например, металлические – «американки» для двоих. Эти катания

были своего рода смотром деревенского достатка.

Особый для Строгина престольный праздник – Ильин день. Надо сказать, что для каждой деревни или села церковью был определен свой престольный праздник: в Строгине – Ильин день, в Тушине – Сергиев день. Эти святые считались покровителями этих деревень, и в их честь устраивались веселые торжества.

Большие праздники, как правило, совпадали с паузами в сельскохозяйственных работах. Вот и Ильин день – 2 августа. В это время заканчивали заготавливать сено, но еще не приступали к уборке зерновых. Праздновали два-три дня. В Строгино съезжались все близкие и дальние родственники. Человек тридцать! На всех мать ставила одну бутылку водки, закуску, чай. Все немного закусят, а потом начинали петь песни – кто лучше. И все Строгино пело! Прекрасный обычай! Мои сестры соберутся гурьбой и ходят вдоль улицы, поют – да так хорошо, красиво, напевно, на несколько голосов. Сейчас таких песен ни на улице, ни в квартирах не услышишь. Как жаль!..

На Ильин день приезжала специальная артель, и на самой широкой улице около часовни устанавливались карусели, вокруг которых располагался красочный базар. Чем только там ни торговали! Тут дудки и мячики, брошки и гребешки, пугачи и много разных игрушек и забав для маленьких и взрослых. Народу – тьма! И весь этот людской рой как-то по-доброму радостно гудел.

У моей тетки в Рублеве муж был добрейший человек. На Ильин день он приезжал к матери в гости и, прежде всего, нам, ребягтне – каждому, – давал какую-то монетку. Я помню, как-то получил от него пятьдесят копеек. Это были по тем временам большущие деньги. На базаре по вертушке-лотерее я за десять копеек тогда выиграл пугач с пятьюдесятью пробками – целое богатство!

К вечеру разогретые сытным обедом хозяева и гости почти в каждом доме пели задушевные русские народные песни. Случалось, что молодые мужики начинали петушиться. Но стоило вмешаться пожилым, как все успокаивались. Старых уважали и слушали. Это была замечательная вековая традиция. Сейчас бы ее вспомнить!

Последний раз отмечали Ильин день накануне образования колхоза. Привезли карусели. Праздник отпраздновали. Вообще после Ильина дня всегда бывали грозы, но в тот последний год небывалая разразилась непогода! Шквальный ветер разбросал карусели по всей деревне. Артельщики искали болты-шайбы – куда там! Мало чего нашли. Напротив нас ветер сорвал крышу с дома, поднял метров на пятнадцать и положил на дорогу. Вот так гроза бушевала. Я это хорошо помню.

...Я не верю в христианскую религию и называю себя верующим атеистом. Я верю в разумный космос. Давно известно, что при некоторых, как правило, экстремальных обстоятельствах родственные души общаются, даже если они нахо-

дятся далеко друг от друга. Может быть, в тысячах километров. Разве возможно, чтобы слабые биотоки человека преодолевали такие пространства?

Ученые давно ищут ответ, как же все это происходит. А политики знать ничего не хотели, говорили о том, что это мракобесие. И даже церковь принимала самые жестокие меры против тех, кто отстаивал что-то непознанное. Колдовство! Вот и весь разговор. Но против фактов не пойдешь. Действительно такое общение есть. Оно доказано научно. Почти каждый сталкивался с этим на практике.

Осмелюсь предположить (гипотеза), что явление это связано с космосом, с недоказанным пока космическим разумом, с тем сложным миром, который окружает нас, но о котором мы ничего не знаем.

Так вот. Сильный импульс какого-то субъекта, может быть, человека, оказавшегося в экстремальных обстоятельствах, улавливает космос. И он-то посредством своих средств коммуникаций находит этот объект (личность), кому этот сигнал был предназначен, как бы далеко этот объект ни находился. Таким образом осуществляется контакт. Все сложно, но и все логично. Требуется доказательства. Несомненно, когда-нибудь они будут, так как разум человеческий постоянно ищет и находит то, что вчера еще казалось абсурдом.

В нашей семье мой атеизм совершенно спокойно уживался с религиозностью близких даже тогда, когда я возглавлял

московскую партийную организацию...

Коллективизация

Весной 1930 года никто из нас, как и тысячи других семей по всей стране, не предполагал, на каком крутом историческом повороте находится страна. Речь шла о вступлении в колхоз.

Сейчас много критики раздается по поводу коллективизации. Да, она проводилась сталинскими методами. Было допущено много беззаконий. Но ведь есть и вторая сторона этого дела – коллективизация позволила стране ускоренными темпами проводить индустриализацию, обеспечивая развивающуюся промышленность сырьем и рабочей силой. Не следует забывать и о том, что накануне войны народ жил сытно, полки продовольственных магазинов были заполнены качественными продуктами отечественного производства. Страна имела необходимые стратегические запасы зерна и других сельхозпродуктов.

Сейчас, кого ни послушаешь, каждый говорит: загоняли в колхозы насильно! Я расскажу, как это происходило в Строгине, рядом с Москвой.

Я помню, как началась эта первая колхозная весна. Пригласили всех сельчан взрослых к избе-читальне. Туда пошла и мать. Часа через два приходит, всех нас собирает. Мне было лет десять, все остальные – повзрослее. Мать начала:

– Хочу, ребята, с вами посоветоваться. Вот приглашают

нас в колхоз. – И рассказала, что им говорили на собрании, сколько тракторов обещали.

Старший брат, которому было тогда семнадцать лет, с жаром поддержал идею:

– Конечно пошли!

А почему он так горячо поддержал? Потому что вся тяжелая работа была на нем: пахать и сеять, возить навоз, убирать урожай – да мало ли что ложится в крестьянском хозяйстве на мужские плечи! Уезжал в поле рано утром. Пообедал – опять в поле. А вечером приезжает, садится за стол ужинать, ложку поднял, а голова падает, и он, обессиленный, засыпает прямо за столом... Очень мать его жалела.

Конечно, посыпались вопросы, что от нас надо. Оказалось, нужно отдать в колхоз корову, лошадь, сбрую всю отдать. Куры, правда, остаются.

Самая тяжелая новость – отдать корову, потому что корова была кормилицей. А все стадо строгинское было таким замечательным! Бывало, идет с пастбища, вымя у каждой буренки чуть ли не по земле тащится. И каждая хозяйка встречает свою корову около дома кусочком немного подсоленного хлеба. Та хлеб берет мягкими теплыми губами, а хозяйка гладит свою кормилицу, приговаривая какие-то свои ласковые слова. И вдруг этих таких родных животных надо отдать в большие дворы!

Погоревав, скот мы сдали, в колхоз вступили. Я помню, моя мама со своей сестрой каждый вечер ходили проведы-

вать свою корову. Придирчиво смотрели, как ее в колхозе кормят, как доят. Приходили расстроенные – все казалось не так, как надо. Это была трагедия!

Продолжалось это недолго. Через несколько месяцев появилась статья Сталина «Головокружение от успехов». Коров разобрали по дворам, колхоз распался.

Снова собрание, на котором объявляют, что вступать в колхоз можно только по желанию. Брат опять за свое:

– Обязательно вступаем, я уже привык.

А к чему он привык? Привык к хорошей колхозной столовой. Для этого собрали самых опрятных и умелых женщин, которые хорошо готовили.

Привык, что давали корм для скотины. Силос закладывали колхозом, и каждому по талонам выдавали корм для его живности. Мое дело было поехать с санками, отдать талон, получить и привезти силос. Словом, мы опять вступили в колхоз. Корову вновь отдали.

В колхозе у нас фактически работал только брат. Две сестры, что постарше, другими делами занимались. Младшая сестра еще была маленькая. Но мы с ней летом сколько-то трудодней заработали. По нашим меркам да по сравнению со взрослыми – очень мало, но осенью привезли на эти трудодни столько сельскохозяйственной продукции – картошки, свеклы, моркови, капусты, – что мать ахнула: «Куда я все это деду?»

Колхоз много доброго сделал для сельчан. Открыли хоро-

ший детский сад. Там даже можно было брать обеды на дом. Помню, мать купила мне судки, и я ходил туда за вкусными обедами. В школе нас тоже сытно кормили. Только посуду – тарелки да ложки – мы приносили с собой и сами мыли. Потом колхоз купил на всех алюминиевую посуду.

Открыли поликлинику. Сначала был только фельдшер, а потом и врача дали.

В сельсовете появился телефон, и каждый мог оттуда позвонить в Москву или районный центр. Поставили столбы, провели радио. Колхоз взял на себя все расходы, и в деревне в каждом доме появились круглые «говорящие тарелки». Теперь мальчишкам не нужно было стучать палочкой в окна – приглашать на собрание: по радио сообщали о всех новостях колхоза, в том числе и о собраниях. Единственное, чего тогда еще не было, – электричества.

Магазин появился приличный. Конечно, дефицит еще был большой, но разутые-раздетые не ходили. В подшитых валенках и сапогах ходили точно.

Это было начало тридцатых годов. То есть зажили по-хорошему. Деревня ожила. Это потом все пошло шиворот-навыорот, когда Сталин выдвинул лозунг ликвидации кулачества как класса и когда начали «закручивать гайки» на селе и принялись искать «вредителей».

Когда раскулачивали, в Строгине не посадили ни одного человека. В Митине же при их-то бедности почти половину хозяев раскулачили: кто-то кому-то не нравился – писали

доносы. Людей сажали на телегу, причем семьями, где было по шесть – восемь детишек, и отправляли в ссылку...

А вот с приходом колхозов и в Строгине одна женщина, у которой сын работал в охране Кремля и дослужился до довольно высокого звания, распоясалась – тоже начала писать доносы.

Первым пострадал полевод колхоза. Высадили рассаду капусты, а тут морозец – это часто у нас бывало, – рассада замерзла. Она пишет донос: «Это вредитель. Он специально посадил рассаду, зная, что будет мороз». И хотя у него была рассада про запас – он все предусмотрел, – его все-таки посадили. И второй колхозный умелец, который занимался тепличным хозяйством, тоже попал под ее злой навет, и его тоже посадили. Если бы жив был отец, его наверняка постигла бы такая же участь.

Это были крепкие, грамотные мужики. Они читали агрономические книжки, умело вели хозяйство, обменивались опытом. У них были самые хорошие урожаи в Строгине, самая породистая скотина – словом, настоящие работяги.

После их ареста некому было руководить колхозниками на этих самых выгодных работах, дающих наибольший доход из-за близости к Москве. В результате урожаи пошли на убыль. Плохо стали удобрять, ухаживать за полем. Захирело и тепличное хозяйство. Разболталась дисциплина, и наш колхоз им. Кирова распустили.

Правда, этой женщине потом село объявило бойкот,

узнав, что доносы были ее рук дело, и та вынуждена была уехать из деревни. Но свое черное дело она сделала.

Кроме этих двух человек, в Строгине никого больше не выслали и не арестовали, хотя деревня была богатой.

Мы знали, что в 1937–1938 годах были репрессии. Но нам не известны были их масштабы. Скажем, я учился в Тушине. Там строили новые авиационные заводы. И вдруг арестовывают директора одного из заводов. На большом митинге, который проходил на площади, все близко работавшие с ним доказывают, что это был враг. Проходит неделя, и арестовывают тех, кто выступал на митинге, – объясняют, что это тоже враги. Так на наших глазах арестовывают человек пятнадцать – двадцать. Потом все успокаивается, заводы продолжают работать.

Когда шли массовые процессы, мы, конечно, читали материалы о них – ведь все стенограммы печатались в «Правде», причем каждый обвиняемый на суде признавался: «Да, я работал как шпион. Да, я так себя вел». Мы думали: как же не верить, когда человек сам, в присутствии стольких людей говорит, что он шпион? Мы в это верили. И потом, мы не знали масштабов этих репрессий.

Но факты, особенно касающиеся близкого тебе человека, которого ты хорошо знал, вызывали сомнения. Скажем, у меня была тетька, которая жила в Рублеве. Муж ее заведовал там обозным хозяйством Рублевской госстанции. Он был членом партии. Его арестовывают, и он пропадает. Я никак

не мог поверить, что дядя Коля, добрейшей души человек, мог быть врагом народа! А потом, как там быть врагом народа – на Рублевской станции, да еще человеку, которые заведовал телегами, лошадьми, небольшим хозяйством? Трудно было в это поверить...

Школьные годы

На время коллективизации приходится моя учеба в школе. До школы читать меня пыталась научить сестра Татьяна. Но дальше слова «мама» я не продвинулся. Пользуясь любым случаем, я удирал от нее. Зато, когда я пошел в школу, уроки сестры мнегодились. Через неделю я уже свободно читал – видимо, созрел для этого. И чтение стало самым любимым занятием моей юности.

В школу я пошел в восемь лет к той же Вере Васильевне. Когда я был уже в третьем классе, к нам прислали другую, молодую учительницу – жену того самого человека, который служил в охране Кремля. Молодая учительница оказалась под стать своей свекрови. Она выдавила Веру Васильевну из школы. Закончился учебный год, и Веру Васильевну уволили. Но я учился хорошо при всех преподавателях.

Математика мне давалась легко. Я любил геометрию, а особенно стереометрию. Для меня каждая задача была интереснейшим ребусом. Как сейчас помню, незадолго до 1 сентября я получил учебники, открыл задачник и за два вечера перерешал все задачи по стереометрии.

Среднюю школу я заканчивал в Тушине. Первоначально мы учились в бараке, но в 1936 году здесь построили двухэтажную кирпичную школу, и нас перевели в это новое здание. Это был настоящий дворец: светлые классы, новые пар-

ты, огромные, под потолок, окна, широкие коридоры.

Я уговорил мать пойти на родительское собрание и посмотреть новую школу. Мать пришла за полчаса до собрания. Я поставил ей стул около класса, чтобы она не очень утомилась, так как здоровье у нее стало совсем плохим.

При знакомстве выяснилось, что директор школы Александр Николаевич Абрамов, член партии, солидный человек, – старинный мамин знакомый. Раньше он заведовал начальной школой в Митине и одновременно руководил в Рождественской церкви хором. Мой дед, построивший эту церковь, был старостой в ней и два раза в год давал Абрамову отрез на костюм в качестве платы за этот хор.

Александр Николаевич сватался к моей матери. Она была младшей дочерью, и мой дед в ней души не чаял и не отпускал от себя, хотя ей было уже двадцать шесть лет. Абрамов ему нравился. Но выбор оставил за дочерью. Его смущало то обстоятельство, что жених был «чужак»: в деревне не знали его корней. Мать решила не выходить замуж за «чужака». Потом она встретила строгинского Григория Егорычева, который был на два года моложе ее. У того корни были здешние, да и понравился он ей больно.

Эта встреча матери с юностью состоялась в 1936 году. В следующем году мама умерла. Я учился тогда в девятом классе.

Учился я с удовольствием. Мать никогда не смотрела мой дневник: знала, что там все в порядке. Мне очень нрави-

лись уроки литературы. Множество стихотворений я знал наизусть, а память у меня была превосходная. Учительницей литературы была у нас Ольга Прокофьевна Яхлакова. В годы Гражданской войны она служила в политотделе Первой Конной армии Буденного. Ольга Прокофьевна была очень хорошим педагогом и старалась привить нам свою любовь к литературе.

В восьмом классе она послала меня в Москву купить в кассе Большого театра билеты на оперу «Князь Игорь». Мы как раз изучали в школе «Слово о полку Игореве». Собрали по восемь рублей «с носа», и я поехал. Подхожу к кассе, а там говорят, что все дешевые билеты давно проданы. Остались только по пятьдесят шесть рублей. Меня эта цифра в жар бросила.

– Да вы что?! Откуда у нас такие сумасшедшие деньги?

– Ничего не могу сделать.

Я понуро отхожу от кассы и вижу надпись на двери: «Дирекция Большого театра». Открываю дверь, поднимаюсь по лестнице на второй этаж. Смотрю – табличка: «Главный дирижер Большого театра С. А. Самосуд». Я захожу – секретарши нет, прохожу дальше, открываю следующую дверь. Там солидные мужи о чем-то спорят. Я открываю дверь пошире.

Наконец С. А. Самосуд обратил на меня внимание:

– Ты что здесь делаешь, мальчик?

– Мы сейчас изучаем «Слово о полку Игореве», – начал я ему объяснять, – и я приехал из Тушина, чтобы купить би-

леты на оперу «Князь Игорь». Собрали мы по восемь рублей, а по пятьдесят шесть рублей мы купить не можем. Нет их у меня.

Смотрю, он открыл свою книжечку, пишет что-то там.

– Сколько, мальчик, тебе билетов надо? Иди в кассу с этой бумажкой.

По дороге читаю. На именном бланке написано: «Выдать подателю сего столько-то билетов». Я подхожу к кассе, подаю в окошечко бумажку.

– Ты откуда это взял? – изумленно спрашивает кассирша.

– А разве там не написано? – с достоинством ответил я.

Не знаю, откуда она взяла эти билеты, но выдала на весь класс и по восемь рублей.

Ольга Прокофьевна часто задавала нам писать сочинения – домашние и классные. Классным сочинением я за два часа почти всю тетрадку исписывал. Ей очень нравились мои работы. Помню, писали мы сочинение по роману Николая Островского «Как закалялась сталь». А у Островского свой слог – очень простые, не очень длинные фразы, но очень выразительные, емкие. Я решил тоже писать простыми фразами и накатал целую тетрадку. Кажется, только одна страничка оказалась незаполненной. Ольге Прокофьевне так понравилось мое сочинение, что она на следующий день читала его перед всем классом.

Как-то я написал домашнее сочинение на тему «Влияние русских и западноевропейских писателей и поэтов на твор-

чество Пушкина». Исписал три тетрадки. Я тогда, помню, перелопатил кучу литературы. Это был юбилейный 1937 год – отмечалось столетие со дня гибели Пушкина, поэтому печаталось множество интереснейших материалов в газетах и журналах. Она мое сочинение направила в район и очень гордилась, что ее ученик написал такую работу.

Ко дню пушкинского юбилея мы поставили также несколько сцен из «Бориса Годунова». Я до сих пор помню наизусть многие строки из изучаемых тогда произведений.

Много внимания Ольга Прокофьевна уделяла правильности нашей речи, и не только содержанию, но и форме изложения. Часто можно было слышать: «Не части, говори четко каждое слово, ясно выражай свои мысли, говори грамотно, обязательно выговаривай все окончания, строй фразу правильно. У тебя должно быть подлежащее, сказуемое. Не забывай знаки препинания, когда говоришь». Иногда она разбирала какую-то фразу ученика перед всем классом и при участии всех учеников. Было не обидно, а даже интересно, тем более что это никого не минуло. Каждый из нас прошел эту школу.

Вступление в комсомол

В школе в Строгине ни октябрятской, ни пионерской организаций не было. И когда я пришел в Тушино, то, перешагнув через пионерию, сразу вступил в комсомол. Это было в 1936 году. Принимали меня в члены ВЛКСМ в Красногорском райкоме комсомола.

Тогда нужно было не только устав знать назубок, но и фамилии, имена, отчества всех секретарей ЦК комсомола. Очень дрожали. На самом деле все оказалось не так страшно.

Мы все были активными комсомольцами. Я помню, когда были выборы в Верховный Совет – уже после принятия Конституции СССР 5 декабря 1936 года, – одним из кандидатов был Мехлис. Мне тогда было семнадцать лет, но меня уже обязали быть агитатором. На большом собрании в аэроклубе я говорил речь в поддержку Мехлиса. А в Строгине, где развесили плакаты с его биографией и портретом, какие-то хулиганы исправили вместо Мехлис – «Мехлисть». Все это спешно убрали.

В тушинской школе хорошо была поставлена спортивная работа. Обострение международной обстановки во второй половине 1930-х годов порождало ощущение надвигающейся войны. И нас готовили к этой войне.

На уроках военной подготовки нас обучали военному строю и командам, показывали, как пользоваться противо-

газом, познакомили с винтовкой, гранатой. В коридорах школы можно было видеть плакаты и стенды с изображением и муляжами оружия. Занятия военным делом на уроках совмещали с пробежками в противогазах, лыжными кроссами, общей физической подготовкой. Много стреляли в тирах.

Девушек готовили как сандружинниц: учили оказывать первую помощь раненым, накладывать шины, делать перевязки. Мы были первыми в Москве и области, кто сдал нормы на значок БГТО – «Будь готов к труду и обороне!». В почете были «значкисты» – ребята, на груди которых красовались значки БГТО, ГТО и «Ворошиловский стрелок».

Часто ходили на каток. Замечательный каток с теплыми раздевалками был построен около Тушина. Другой – рядом с аэроклубом. Ведь в те годы, когда строили заводы, одновременно оборудовали рядом с ними спортивные сооружения.

Спорт мы любили. Спортивная одежда была, конечно, очень примитивной. Например, лыжи я крепил на валенки. Как-то приехал я в школу, а мне ребята говорят, что надо ехать на соревнования в Красногорск – в команде не хватало одного лыжника. Я и поехал. В валенках. Через два дня узнаю, что занял там первое место среди юношей. Тут же меня пригласили в спортклуб, на заводе бесплатно выдали хорошие лыжи, лыжные ботинки, костюм. И три года – с 1936 по 1938-й – я выступал на соревнованиях и завоевывал первое место – был чемпионом Красногорской лыжни.

А как развивали спорт! Какие чемпионы появились! А по-

чему? Да потому, что в каждой деревне – спортивная площадка: футбольное поле, турник. И это было доступно для всех. Там вся молодежь собиралась. Каждую субботу и воскресенье на спортплощадке было полно парней и девушек. Любимой игрой был волейбол.

Танцами мы не увлекались, а вот петь любили. Когда мы собирались попеть, к нам приходил наш учитель музыки. Он сам был молодым, лишь недавно окончил консерваторию, чудесно играл на пианино. На выпускном вечере он остался с нами на всю ночь и много играл – чувствовалось, что он весь жил в музыке...

Вот такие интересные и светлые страницы нашей довоенной прекрасной жизни.

Мы видели, что жизнь становилась все лучше. Да, она была трудной, но радостной. Для молодежи тогда все двери были открыты: каждый мог получить хорошее образование. Было бы желание. Причем за это ничего не надо было платить. Успевающий студент даже стипендию получал, отличник – повышенную.

Каждый мог бесплатно лечиться, платя гроши за лекарство. Страна избавилась от многих болезней, бывших бичом в старой России.

Была создана сильная Рабоче-крестьянская Красная армия, служить в которой было тогда почетно.

Стала развиваться автомобильная промышленность – и уже в 1925 году по Красной площади проехали первые авто-

мобили АМО-3. Мы видели, что пятилетки выполняются.

Вот сейчас спорят, почему Сталина мы считали настоящим вождем. Ведь он мало говорил по радио. Его речь по поводу принятия Конституции – я ее слышал по радио – была очень вялой. Причем он говорил с большим акцентом.

Но все говорили вокруг: Сталин это решил, Сталин наметил... Мы знали, какие Сталин давал указания, какие выдвигает идеи. И мы видели, что они воплощаются в жизнь. Поэтому верили искренне, что Сталин – выдающийся деятель...

Авиационные праздники в Тушине

В довоенные годы стремительно развивалась современная авиационная промышленность. В то время заводы росли как грибы. У меня на глазах в Тушине были построены два авиационных завода, планерный завод, дирижабельный комбинат. Причем по тем временам – очень современные предприятия. Рядом с заводами построили аэроклуб.

Мы, мальчишки, наизусть знали имена наших прославленных летчиков – Валерия Чкалова, Владимира Коккинаки, Михаила Громова, Николая Каманина и многих, многих других. Возникла целая плеяда авиаконструкторов: Туполев, Микоян, Яковлев.

Рекорды авиаторов особенно всех поражали. Рядом со Строгином находился Тушинский аэродром, поэтому мы часто были свидетелями авиационных праздников-парадов. Сталин любил авиацию, заботился о ее развитии и сам приезжал на все авиационные праздники.

Однажды – это было в году 1937-м – решили показать мастерство советских летчиков. Зная, что Сталин после полетов может встретиться с пилотами, им всем выдали новую форму и новые хромовые сапоги на хорошей кожаной подошве. Полеты успешно завершались, когда один из летчиков, опытный ас и мастер парашютного спорта Машковский, при посадке не справился с управлением. Его самолет «клю-

нул» носом и сел на воду около пляжа.

Мы с другой стороны Москвы-реки наблюдали за этими полетами и увидели, как к берегу подъехала машина, из которой вышел Иосиф Виссарионович. К счастью, летчик не пострадал. Он поприветствовал Сталина, и они стали активно беседовать. Позднее я узнал содержание их диалога. На вопрос Сталина, что случилось, пилот ответил:

– Извините, товарищ Сталин. Обул новые сапоги, а подошва скользкая – соскочила с педали, но мне все же удалось выправить самолет и благополучно посадить его, хотя и в воду.

Ежегодные авиационные праздники на аэродроме в Тушине стали по-настоящему народными. Какие они были красивые! В Строгино в эти дни приезжало несметное количество людей! Берег у нас высокий, перед нами тушинское поле – все видно как на ладони.

Любили смотреть на полеты Владимира Коккинаки – он, помню, на двухмоторных бомбардировщиках СБ-3 мертвые петли крутил! Заберется высоко-высоко и, спускаясь оттуда, такое выделывал в небе – у всех дух захватывало! А по радио из репродукторов сообщалось, какие фигуры высшего пилотажа делает этот прославленный летчик-испытатель. Возможно, эти наблюдения предопределили мою тягу к технике.

Незадолго до войны появился в небе красавец самолет «Максим Горький» – крупнейший восьмимоторный гигант.

Самолет «Максим Горький» входил в состав агитэскадрильи. На нем установили аппаратуру, которая позволяла с борта самолета передавать песни, концерты. И вот мы слышали, как с неба льется песня на всю округу! Сказка! Полеты его завораживали. Около этого самолета всегда летели два истребителя – для сравнения. На поле – буря восторга!

И вот однажды случилась трагедия. «Максим Горький» поднялся с аэродрома с членами семей Министерства авиационной промышленности – была обычная прогулка. Рядом с ним, как всегда, летели два истребителя. И неизвестно почему летчику одного истребителя захотелось через крыло сделать «мертвую петлю», но он не рассчитал и врезался в крыло двигающегося гиганта. Погибли все до единого человека. Я видел этот самолет за полчаса до его гибели.

Видел я там и знаменитый туполевский самолет АНТ-25, на котором легендарный Валерий Чкалов со своими товарищами Г. Ф. Байдуковым и А. В. Беляковым совершили в 1937 году свой перелет в Америку через Северный полюс.

Чкалов был неординарной личностью – талантливый летчик, патриот, умница. И за словом в карман не лез. Когда он приземлился в Ванкувере, американцы-прагматики, для которых деньги – прежде всего, его спрашивают:

– Господин Чкалов, а вы богатый человек?

– У меня сто семьдесят миллионов.

– Чего – рублей или долларов?!

– Сто семьдесят миллионов советских людей, которые ра-

ботаю на меня, а я на них, – ответил советский пилот...

Интересно, как бы ответили теперешние летчики в сегодняшней ситуации, когда в стране, продающей нефтепродукты за границу, им не хватает бензина на нужное число вылетов, чтобы подготовить классных пилотов, в которых так нуждается наша страна...

Мой выбор

Так получилось, что к концу обучения в средней школе почти каждый преподаватель считал, что я должен пойти по его направлению. Но я выбрал технический вуз. Тогда профессия инженера была очень актуальной.

Сначала я решил пойти в Военно-морское инженерное училище в Ленинграде, но не прошел медкомиссию: у меня правый глаз был немного близоруким. Тогда я выбрал МВТУ им. Н. Э. Баумана (до войны он назывался Московский механико-машиностроительный институт им. Н. Э. Баумана).

В какой-то мере на этот выбор повлияло знакомство со студентом этого института, отдохавшим в нашей деревне. На зависть деревенским ребятам студент хорошо плавал стилем и научил этому меня. Иногда он интересно рассказывал о своих занятиях в институте. Словом, это был образец хорошего парня, достойный подражания.

22 мая 1938 года я поехал в МВТУ на день открытых дверей. После знакомства с училищем, где все мне очень понравилось, я окончательно утвердился в своем выборе.

Сейчас, когда я вижу, как совсем юные парни и девушки и даже просто мальчишки и девчонки не выпускают сигареты изо рта, пьют пиво из горлышка бутылки, скверно-

слова, не стесняясь присутствия взрослых, стоящих рядом женщин, я с благодарностью вспоминаю свою юность, свою школу. Никто у нас в классе не курил, и до выпускного класса мы спиртного в рот не брали. Даже на выпускном вечере была одна бутылка вина на всех, а водки – ни капли...

Да, мы были бедны, довольно скромно, но аккуратно и чисто одеты. Мать и сестры шили и стирали мою одежду, гладили, зашивали, когда надо. Если я надевал белые парусиновые туфли, то перед выходом обязательно чистил их и освежал зубным порошком. Уважали человека не за одежду. Меня, например, уважали за то, что я хорошо учился и был одним из первых в спорте...

Глава 2. Студент МВТУ им. Н. Э. Баумана

Я Бауманец!

Мои первые воспоминания о Московском высшем техническом училище им. Н. Э. Баумана относятся к предвоенным 1938–1941 годам.

Аттестат отличника давал мне право поступить в любой вуз без экзамена. С этим аттестатом я пришел в приемную комиссию. На мне легкая спортивная маечка, дешевые брюки и белые парусиновые туфли. В кармане пятьдесят копеек на обратную дорогу в Строгино.

На всю жизнь я запомнил эту картину! Обстановка торжественная. Меня приглашают в актовй зал. За столом сидят и тихо беседуют солидные люди. Очень серьезный мужчина принял от меня заявление с просьбой о зачислении на факультет двигателей внутреннего сгорания. Он внимательно прочитал мое заявление и сказал:

– Да, специальность, которую вы выбрали, очень интересная. Я понимаю, почему вы туда стремитесь. Но у нас сейчас организуются три оборонных факультета. Нам нужны способные люди. Вы отличник. Поэтому мы вас очень просим

поступить на только что открытый бронетанковый факультет.

Это меня-то, в моей маечке, с пятьюдесятью копейками в кармане, просит такой солидный человек?! Конечно, я согласился:

– Раз нужно – я согласен!

Он меня спрашивает:

– Какие у вас к нам вопросы и пожелания?

Я сказал, что мне нужна стипендия и общежитие, так как ездить из Строгина далековато. Все это мне было обещано.

С 1 сентября 1938 года началась моя совсем другая жизнь...

И вот я – бауманец! Более близкое знакомство с училищем вселяло гордость за причастность к нашему вузу.

Свою историю училище ведет со второй четверти девятнадцатого столетия, от Московского ремесленного учебного заведения (МРУЗ), преобразованного позднее в Императорское техническое училище (ИМТУ). Оно выпускало механиков-строителей, инженеров-механиков и инженеров-технологов.

Свое название – Московское высшее техническое училище (МВТУ) им. Н. Э. Баумана – училище получило в 1917 году.

МВТУ – это не только уникальная библиотека, прекрасные аудитории, но и замечательные лаборатории и кабинеты, оснащенные новейшими станками, приборами, исследо-

вательской аппаратурой. Здесь была сосредоточена техника будущего, та, которую еще предстояло внедрить в производство. Именно тут студенты получали практические знания по своим будущим профессиям. Тут и литейный миницех, и лаборатория новейших методов обработки металла, и многое другое. Во дворе училища стояли паровоз, тепловоз, танки, артиллерийские системы, на которых студенты изучали все связанное с машинами и системами.

Таким образом, МВТУ вооружало студента не только новейшими знаниями, но и практическими навыками, готовя из них будущих командиров производства по разнообразным специальностям.

В предвоенные годы МВТУ процветало. Ему поручили открыть оборонные факультеты. На наш танковый факультет набрали шесть групп. Тогда это было много. У нас было две специальности – «колесная 0-17» и «гусеничная 0-39». Наша первая группа была «колесная». Мы считали себя привилегированными.

Студенческий быт

Когда я пришел на первый курс училища, мне дали место в общежитии и хорошую стипендию – 140 рублей в месяц. До войны это были немалые деньги. За общежитие я ежемесячно отдавал 14 рублей. Сюда входила уборка и смена постельного белья два раза в месяц. В коридоре общежития стоял титан с горячей водой. На первом этаже помещалась дешевая столовая.

Нуждавшийся студент всегда мог получить подработку в нашем студенческом конструкторском бюро – чертить или выполнять другие работы. Осенью мы ездили на разгрузку арбузов и овощей. В общем, можно было нормально жить.

Главные трудности были с одеждой. После смерти матери хозяйство в строгинском доме вела моя тетя Анисья, которая очень меня любила. Она накопила мне денег на костюм. Целую ночь мы выстояли с ней у ателье недалеко от метро на Бауманской улице, чтобы утром заказать костюм. Костюм мне сшили из серого шевиота – очень хороший и недорогой. Тетя заказала для меня еще и ботинки у сапожника. Крепкие получились ботинки – носились долго. Позже на практике в Ленинграде мы с ребятами купили себе красивые трикотажные рубашки. Правда, за ними тоже пришлось полночи постоять.

В больших комнатах общежития проживало по девять че-

ловек. У каждого свои интересы: кто анекдоты рассказывает, кто чертит, кто поет.

Первое впечатление, что ты песчинка в море: вокруг тебя так много разных людей и ты никому не нужен. В школе тебя каждый день видят учителя, беседуют с тобой, проверяют задания, ставят оценки. А тут – хочешь ходи, хочешь не ходи. Никто вроде тобой не интересуется. Сначала мы, первокурсники, немного побалбесничали, а потом чувствуем – надо учиться, и засели ночами за учебники. Учиться было интересно.

На первых курсах я не отличался большой активностью в общественной работе, посвящая все время учебе. Первую сессию я закончил с одними пятерками.

На третьем курсе, когда меня избрали председателем профбюро факультета, второкурсник Саша Кимурджан стал моим заместителем. В нашем распоряжении была небольшая сумма денег, и мы определяли, кому сколько выделить по заявлениям о материальной помощи – 20 или 15 рублей. Впоследствии Кимурджан стал крупным конструктором и лауреатом.

В 1939 году в честь 60-летия И. В. Сталина для студентов вузов установили Сталинские стипендии. Размер ее был внушительный – 500 рублей! На МВТУ дали тогда сто таких стипендий. Кандидатов на эту стипендию в группах выдвигали сами студенты. В нашей группе ребята стали выдвигать меня, и, хотя обычной стипендии мне не очень хватало, я

решительно отказался:

– Нет, ребята. Я еще недостоин, чтобы меня выдвигать на такую стипендию.

Потом ребята со смехом часто вспоминали этот случай.

Наша группа

Наша группа была очень дружной, несмотря на то что ребята были из семей с разным достатком. Никто тогда на это не обращал внимания. Никаких проблем у нас не было и с национальным вопросом. Судили о людях по учебе и моральным качествам. Кроме русских в нашей группе учились евреи – Морис Готман, Линбер, Вера Биндер, Толя Ронин, Олег Либерфорд. Учились все хорошо, и все были на равных.

Я, например, жил только на стипендию и случайные заработки. Наш сокурсник Володя Шмидт был из обеспеченной семьи. Его отца Отто Юльевича Шмидта знали в то время не только в СССР, но и во всем мире: академик, математик, лингвист. Тогда под его редакцией издавались все словари, а также Большая советская энциклопедия. Он еще осваивал Севморпуть и покорял Северный полюс, о чем писали все газеты. Его принимал президент Соединенных Штатов – после героической эпопеи по спасению экипажа затонувшего парохода «Челюскин».

Но Володя ничем особенным среди нас не выделялся. Ну если только я в студенческой столовой обедал на 1 рубль 20 копеек, то он – на 1 рубль 40 копеек – вот и вся разница. И одет он был всегда просто, может быть, чуть-чуть лучше, чем я.

Мы, как водится, помогали друг другу, и отдых часто проводили вместе – катались на лыжах, занимались спортом.

Однажды зимой 1940 года Володя Шмидт предложил поехать на каникулах к ним на дачу: «Я с отцом договорился. Там отдохнем, покатаемся. Места хорошие, горка отличная». Предложение встретили с восторгом. Лыжи взяли на кафедре физкультуры. Весело ехали на пригородном поезде до Жаворонков, а дальше уже на лыжах.

Дача у академика Шмидта была казенная, довольно скромная даже по тем временам. Ввалились мы туда шумной компанией. Стали играть в домино, бильярд. И вдруг смотрим – по лестнице спускается Отто Юльевич. Этого мы никак не ожидали и как-то сразу притихли. И было отчего. Восторженными глазами смотрели мы на этого легендарного человека – руководителя научных экспедиций на пароходах «Седов», «Сибиряков», «Челюскин».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.